

Содержание

Пролог	7
--------------	---

Часть 1

Глава 1	8
Глава 2	25
Глава 3	39
Глава 4	54
Глава 5	70
Глава 6	80
Глава 7	91
Глава 8	105
Глава 9	117
Глава 10	124
Глава 11	146
Глава 12	159
Глава 13	168
Глава 14	189
Глава 15	195
Глава 16	216
Глава 17	234

Глава 18	255
Глава 19	272

Часть 2

Глава 20	290
Глава 21	309
Глава 22	321
Глава 23	340
Глава 24	353
Глава 25	359
Глава 26	377
Глава 27	385
Глава 28	392
Глава 29	415
Глава 30	422
Глава 31	431
Эпилог	436

*Говорят, что глаза — это зеркало души,
но не у всех оно есть*

Пролог

В детстве мне часто снился один и тот же сон: в небе кружили чайки, я сидела на деревянном пирсе и наблюдала за спокойным морем. Необъятным. Легкий ветерок трепал волосы, по небу плыли облака. Тишину нарушал только шум волн.

Я чувствовала себя свободной, как и чайки, что носились над моей головой, будто играли в салки. Наблюдая за ними, я представляла, что тоже смогу расправить крылья и полететь вместе с ними. Добраться до самой высокой точки мира, любоваться жизнью оттуда. Я верила, что смогу увидеть все что угодно. Каждый конфликт, каждую пролитую слезу, каждый украденный поцелуй. И, возможно, научусь больше ценить каждый день. Смогу принять значимость всех событий и понять, что люди осознают истинную ценность жизни только в тот момент, когда находятся в шаге от того, чтобы ее потерять.

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Рев мотоцикла вибрацией отдавался в костях. Будто *требовал* моего внимания.

Дыши, Ванесса, дыши.

У него больше нет над тобой власти.

У него действительно ее нет.

Атмосфера вокруг накалилась. По кампусу сновали студенты, охваченные безумием от возвращения после зимних каникул, и наполняли двор гомоном. Я кожей почувствовала напряжение, исходящее от двигателя позади меня. Отвела взгляд от внушительного фасада Мемориального союза из красного кирпича и попыталась набраться храбрости.

Горло сдавил спазм, сердце бешено заколотилось. Я сжала кулаки, расправила плечи и повернулась в его сторону, полная решимости доказать прежде всего себе, что его присутствие меня не волнует. Больше не волнует.

Томас сидел на мотоцикле, одной ногой держал его вес, а другой опустил подставку. Мышцы бицепсов под кожаной курткой напряглись. Он снял шлем, встряхнул головой, волосы упали на лоб, и я заметила, что с нашей последней встречи они отросли. Томас выглядел еще привлекательнее, чем раньше. Черт бы его побрал. Он не заслужил такой красоты.

Повесив шлем на руль, Томас слез с мотоцикла, оперся на него и достал из заднего кармана темных джинсов пачку сига-

рет. Поднес одну к губам, склонил голову набок, татуированной рукой со стальными кольцами на пальцах прикрыл пламя зажигалки и поднял взгляд на меня. Решительный, острый, будто знал, что я здесь, в нескольких метрах от него.

У меня свело желудок, а сердце будто придавило каменной глыбой.

Последний раз мы виделись больше месяца назад, но сейчас мне казалось, что прошло всего несколько часов с тех пор, как я покинула его комнату и обратилась в бегство с разбитым сердцем. Комнату, где все началось и все закончилось. Комнату, где я чувствовала себя желанной и защищенной, а потом отвергнутой и покинутой.

Но за прошедший месяц все изменилось. Я изменилась. Я обнаружила, что в потере всего есть и положительная сторона: ты остаешься одна и понимаешь, что можешь быть самодостаточной. Опустившись на самое дно, я осознала, кто я такая и какова моя ценность. И теперь никому, в первую очередь Томасу, не позволю снова заставить почувствовать себя слабой и обманутой.

Я засунула руки в карманы расстегнутого шерстяного пальто и с вызовом уставилась на Томаса. Он прищурился, зажал сигарету губами, выпустил облако дыма и заскользил своими пронзительными зелеными глазами по моему телу. Я постаралась не обращать внимание на растекающееся по венам тепло и вложила в ответный взгляд все, что хотела бы выкрикнуть словами: гнев, негодование, презрение.

В голове же крутился вопрос: удалось ли Томасу взять себя в руки и избавиться от дерьма, которым он злоупотреблял до нашего расставания?

От мысли, что это не так, сердце сжалось. Пусть для нас двоих не осталось надежды. Но я не смогу успокоиться, пока не буду уверена, что Томас все же обрел покой.

Да, в душе и на сердце бушевала гамма эмоций, часть меня подпитывалась враждебными чувствами, ведь они помогали быть сильной, и все же я напомнила себе, что вернулась в Корваллис, чтобы начать все с правильной ноты, поэтому не позволю Томасу расстраивать меня. Ни сейчас, ни когда-либо

еще. Поэтому я молча развернулась и отправилась к корпусу на занятия. Но не успела сделать и шага, как меня со спины обняли тонкие руки.

— Боже мой, ты вернулась! Ты жива! — Тиффани сжала меня еще крепче. — И цела!

— Да, вернулась, — подтвердила я с улыбкой. — Жива и цела...

Тиффани взяла меня за плечи, повертела, осмотрела с ног до головы, и, прищурившись, спросила:

— Что ты с собой сделала?

Я поморщилась от оценивающего взгляда подруги. На мне джинсовая юбка в обтяжку, черные колготки и того же цвета водолазка — то, что я купила в ларьке в Финиксе накануне отъезда. Из привычного только обувь — мои любимые конверсы.

— Ничего, просто прогулялась по магазинам. Еще, сама того не желая, немного загорела. Это не клише, в Финиксе действительно всегда солнечно.

— Хм, — Тифф скрестила руки на груди. Мои слова явно ее не убедили. — Ты похудела, ты там ела вообще? Я же просила Алекса присматривать за тобой, следить, чтобы ты не голодала. Он это делал?

— Тебе не о чем беспокоиться, мамочка, — я передразнила интонацию подруги. — Я просто много тренировалась со Стеллой.

Я улыбнулась, чтобы успокоить Тиффани. Она покачала головой и убрала прядь русых волнистых волос за плечо.

— Никак не привыкну, что ты занимаешься кикбоксингом.

— Да, для меня это тоже стало открытием. — От мысли, что мне есть чем еще ее удивить, я испытала восторг. — Хочешь увидеть что-то действительно крутое?

На лице Тиффани отразилась неуверенность, но я видела, что заинтриговала ее. Сдержала улыбку, подала знак подойти ближе и задрала водолазку до уровня декольте.

— Несси, мы в саду, окруженные сотнями студентов. Что ты задумала? — Брови Тиффани устремились ко лбу.

— Смотри! — возбужденно прошептала я.

Подруга перевела взгляд на мое декольте, прищурилась и воскликнула:

— Нет!

— Да! — пискнула я, как дурочка, не в силах сдержать волнение.

Тиффани посмотрела на меня, на вытатуированную розу, затем снова на меня.

— У тебя татуировка *между сиськами*?

— Ш-ш-ш! — Я заткнула ей рот ладонью, оглядываясь по сторонам.

— Прости, я просто в шоке! Ты же боишься иголок, в последний раз, когда врач брал у тебя кровь, ты чуть в обморок не упала.

— Знаю. На самом деле это получилось спонтанно. Пару дней назад я случайно проходила мимо тату-салона и поняла, что желание сделать татуировку пересилило страх.

— Не могу поверить... Почему, черт возьми, ты не сказала мне об этом сразу! Я бы потребовала видео в прямом эфире!

— Я хотела сохранить эффект неожиданности.

— Ну, знаешь ли, теперь точно можно сказать, что ты официально перешла на темную сторону. — Тиффани похлопала меня по плечу. — Боже мой, если бы твоя мать узнала о тату, она бы умерла...

Тифф осеклась, заметив, что я вздрогнула. Она прекрасно знала, что после всего, что мне открылось, я не хотела даже слышать ее имя.

— Мне очень жаль, — поспешно сказала Тифф.

— Все в порядке. — Я пожала плечами, пытаюсь изобразить безразличие.

— Ты больше ничего о ней не слышала?

— Нет... — Я вздохнула, чувствуя, как горлу подступает тошнота. — Я заблокировала ее номер, она попыталась связаться со мной с телефона Виктора, но я не ответила.

Тиффани ласково сжала мои руки.

— Ты не представляешь, как сильно я хотела быть там с тобой.

— Знаю.

Мы обнялись и замерли на несколько секунд. Это невольно всколыхнуло воспоминания о том, что я обнаружила в тот день,

когда снова увидела отца. Вернее, человека, которого считала отцом. Я снова ощутила себя преданной из-за секретов, которые хранила мама. Снова испытала боль одиночества, потому что не на кого было положиться в момент, когда рушится все, во что ты раньше верил... Я помотала головой, прогоняя беспокойные мысли, заполонившие разум, и именно в этот момент мимо нас прошел Томас вместе с невысокой шатенкой, которую я раньше не видела.

Кажется, он с ней близок: смеется, шутит, обнимает за плечи, прижимает к себе.

Точно так же, как когда-то делал *со мной*.

От увиденного возникло ощущение, словно из груди вырвали сердце.

Не позволяй себя расстраивать!

Я закрыла глаза и постаралась не обращать внимания на пронизывающую боль. Бесполезно. В голове замелькали гипотезы.

Томас не из тех парней, кто просто так обнимается с девушкой. У него нет *подруг*. Есть только «подружки», которых он или уже затащил в постель, или планирует это сделать. Он сам мне в этом признался.

И эта девушка не станет исключением...

Глаза заволокло пеленой грозящих вот-вот хлынуть слез.

Неужели он так быстро меня забыл? Так легко заменил? Боже мой, меня сейчас стошнит.

Тиффани заметила перемену моего настроения, отстранилась от объятий и задумчиво посмотрела на меня.

— Эй, все в порядке?

Я сделала глубокий вдох.

Вспомни, как он тебя обидел, Ванесса. Вспомни слова, которые выплюнул в тебя. Вспомни пролитые слезы. Бессонные ночи.

Ты ненавидишь его.

Ужасно ненавидишь.

И у него больше нет над тобой чертовой власти.

Я открыла глаза и вымученно улыбнулась, стараясь не выдать ни йоту боли, которую чувствовала. Если я чему-то и научилась за последнее время, так это притворяться целой, несмотря на разбросанные повсюду осколки.

— Конечно, все хорошо, — соврала я, взяла подругу под руку, и мы отправились в аудиторию.

Первые занятия нового семестра пролетели незаметно, и, к счастью, мне удалось избегать Томаса. Помогло то, что общих курсов у нас теперь не было — я переделала учебный план, подстроив его под четкую идею. За последний месяц я прояснила многие аспекты своей жизни и теперь более четко видела будущее.

Злость, которую я испытывала к Томасу, не стерла сочувствие к его прошлому, а знакомство с его историей пробудило во мне новые мысли. Я своими глазами увидела ужасающую реальность, в которой он родился и вырос, видела, к каким последствиям она привела, и задумалась: сколько еще женщин вынуждены жить под гнетом диктатора и жестокого мужа, сколько детей *погибает*, вырастая в такой обстановке.

Я провела небольшое исследование, и статистика ошарашила.

Хуже всего то, насколько мало информации и способов защиты у семей, подвергающихся домашнему насилию. Вспыхнувший гнев тут же превратился в желание действовать.

Я не рассчитывала изменить мир, но знала, что смогу помочь иначе: дать *надежду* тем, у кого ее отняли. Или хотя бы вызвать небольшой резонанс в СМИ. Поэтому свободный час, появившийся до обеденного перерыва, я провела с пользой.

— Я слышала, что в отделе новостей есть вакансия, — начала я, как только вошла в офис университетской газеты «*Ежедневный барометр*».

Об этом мне написала Лейла около часа назад, и я восприняла информацию как знак судьбы. Вооружилась смелостью и решимостью, переступила порог офиса, пронизанного успокаивающим запахом бумаги и чернил, и направилась к единственному занятому рабочему месту. Над ним висела черная пластиковая табличка с надписью «Уилл Таннер. Большой босс».

Молодой главный редактор бросил стопку бумаг на переполненный стол, поднял голову, снял очки, провел рукой по лбу, откидывая темные локоны, и искоса посмотрел на меня.

— Вы кто?

— Ванесса Кларк. Второкурсница. Несколько недель назад написала статью о злоупотреблении властью со стороны полиции от имени Лейлы Коллинз.

— Наконец-то мы встретились лично. И да, этот новичок Бишоп не выдержал напряжения и спался, — фыркнул Уилл.

Я не ответила. Я здесь не для этого.

Поправила ремень от сумки на плече и шагнула вперед.

— Я бы хотела занять его место.

— А кто бы этого не хотел?

Уилл повертел дужку очков большим и указательным пальцами.

— Наше издание — это не школьная газета, к которой многие из вас привыкли. Наша газета — одна из лучших студенческих газет в штате Орегон. — Он положил очки на стол, взял термос с кофе, сделал глоток. — Если ты хочешь стать частью этого, то должна быть готова много работать. Я требователен, мне нужна полная отдача от каждого сотрудника.

— Конечно, я знаю об этом. — Я подняла подбородок. — И готова вложить все свои силы. Даже больше, если потребуется.

Он прищурился, внимательно изучая меня.

— Та статья была написана хорошо, но это ведь могло получиться случайно. — Он сделал еще глоток кофе, не сводя с меня глаз, и покачал головой: — Я хочу дать тебе шанс. Место Бишоп — то, что сзади. С этого момента оно твое.

Уилл налил кофе в пластиковый стаканчик и протянул его мне вместе с бейджином, на котором по-прежнему значилось имя Пола Бишоп.

— Уже думала, какое направление хотела бы освещать?

— Криминальные или судебные новости. Но вообще я согласна на все, — я сделала глоток кофе и чуть не выплюнула его обратно в стакан. Он оказался холодным и *слишком* приторным.

Не обращая внимания на мое отвращение, Уилл задумчиво поднес указательный палец ко рту.

— Представляешь, а ведь тебе повезло. У меня уже кое-что для тебя есть. Завтра в конце занятий материал будет на столе.

— Отлично! — я довольно улыбнулась.

Мы с Уиллом вместе вышли из редакции и отправились в столовую, по пути обменялись шутками о моих интересах. Я рассказала о желании поднять забытые социальные проблемы, он внимательно слушал, а я держала кофе в руках и не могла сдерживать волнения и счастья от того, что мне удалось получить эту работу.

Как только мы свернули за угол, я врзалась в чью-то грудь. Кофе пролился на меня, испачкал новое пальто и джемпер.

— Черт побери! — выругалась я, чувствуя, как щеки вспыхнули от гнева. Я подняла взгляд и заметила, что испачкалась не только моя одежда, но и толстовка человека, стоящего передо мной.

Я замерла, как только поняла, что это Томас.

С завидной оперативностью Уилл достал из кармана брюк пачку салфеток, вытащил несколько штук и начал вытирать ткань на моей груди, несмотря на явное смущение с моей стороны и на еще более явное негодование со стороны Томаса.

Уилл не сразу, но осознал, насколько неуместен был этот жест. Он резко опустил руку с платком, словно внезапно обжегся, и передал его мне.

— Прости, — неловко пробормотал он, поправляя очки, сползшие на кончик носа.

— Не волнуйся, никаких проблем. — Я улыбнулась, чтобы успокоить его, продолжая вытирать кофейные пятна на рубашке.

— А для меня носовых платков нет, — усмехнулся Томас.

Я на мгновение замерла, перевела взгляд на Томаса, он с яростью смотрел на Уилла: кулаки сжаты, челюсть стиснута. Настроение передалось и мне, я сузила глаза и с силой смяла ни в чем не повинную салфетку.

— Конечно, конечно, — Уилл, все еще взволнованный маленьким инцидентом, протянул Томасу всю упаковку. — Вот, возьми.

Уилл проявил любезность. Любезность, которую Томас не заслужил, поскольку не удосужился его даже поблагодарить. Томас вытащил два последних платочка и выдал в своей высокомерной манере:

— Хочешь и меня облапать или... мне сделать это самому?

Я застыла в изумлении.

Он шутит?

Что он о себе возомнил?

— Томас, *не смей*...

Я бросила на него косой взгляд, но Уилл перебил:

— Кларк, извини меня, пожалуйста. Уверяю, что не собирался протягивать руку помощи. Я не такой человек. — Он подчеркнул последнее предложение, обращаясь к татуированному парню перед собой. — Я лучше пойду, увидимся завтра в редакции.

Он попрощался с натянутой улыбкой и исчез в коридоре.

Томас невозмутимо вытирал пятно от кофе салфетками Уилла, не обращая на меня ни малейшего внимания.

Зато я смотрела на него с яростью.

— Ты мудака, — выпалила я со злостью, которая кипела во мне уже несколько месяцев.

— В следующий раз смотри, куда идешь, — рыкнул он, пронзая меня ледяным взглядом.

— Это и тебя касается, — бросила я в ответ и ушла, толкнув его плечом.

В кафетерии я села за первый попавшийся свободный столик. Стараясь не привлекать внимания, огляделась, проверяя, не последовал ли за мной Томас. Его нигде не было. Да и к черту его.

— Ты все еще не отказалась от своей идеи?

Тиффани потягивала цитрусовый напиток, Алекс рядом с ней доедал кусочек курицы.

— Имеешь в виду поиски моего биологического отца? — я смахнула со стола крошки, оставшиеся после обеда.

Тиффани кивнула. Я почувствовала на себе взгляд Алекса, он тоже ждал моего ответа.

— Да, я все еще хочу это сделать, — уверенно сказала я. — Просто я не могу продолжать жить в неведении.

Это не было поспешным решением: я долго думала над ним во время каникул в Финиксе, взвесила все доступные мне возможности. После того как я в панике покинула Монтану, мой отец Питер завалил меня звонками. И как-то раз, вместо того

чтобы избежать разговора, я воспользовалась моментом и сказала, что если он хочет сохранить хоть крупицу наших отношений, то сейчас самое время. Спросила о моем биологическом отце, но Питер не смог ответить, объясняя это тем, что мама отказывалась даже затрагивать эту тему, и он двадцать лет назад, молодой и влюбленный, согласился с ее молчанием.

Питер казался искренним, и я поняла, что уже простила его. Отец посоветовал поговорить об этом с мамой, попытаться добиться от нее правды и пообещал, что будет рядом несмотря ни на что. Конечно, я его не послушала.

— Ты уверена, что не хочешь спросить Эстер? — поинтересовалась Тиффани. — Я знаю, мы уже говорили об этом, но...

— Исключено. Она ушла из моей жизни, пусть и дальше держится подальше.

Я больше не хотела иметь с ней ничего общего. За прошедшие годы я многое пережила, но она больше не выгонит меня из дома и не заставит выбрать парня из хорошей семьи. Мама скрывала существование настоящего отца и заставляла человека, который меня вырастил, бежать от меня же как можно дальше. Она жонглировала жизнями всех нас по своему усмотрению, обращалась с нами так, словно мы были марионетками в ее руках. Я не смогу ее простить — она зашла слишком далеко.

— Ну, если так... У моего отца много связей, — напомнила Тифф. — И среди частных детективов, и среди полицейских, я уверена, что с их помощью смогу что-нибудь найти. Но только если ты уверена в том, что делаешь.

Она потянула руки через стол, пока не нашла ими мои ладони.

— Я хочу быть уверена, что ты серьезно взвесила все «за» и «против». И что приняла во внимание гипотезу, что этот человек, кем бы он ни был, ничем не лучше твоей матери. Они ведь оба виноваты. Ты это понимаешь?

Я повернулась к окну рядом с собой, задержала взгляд на голубом небе, посмотрела на небо: голубое, безоблачное. Январское солнце грело, проникая сквозь стекло.

— Понимаю, — слабо ответила я, не глядя на Тиффани. — Но я ищу отца не для того, чтобы строить с ним отношения.

Я ищу его, потому что хочу знать правду. Хочу знать всю историю, — призналась я, не в силах оторвать взгляд от облаков, белых, как сладкая вата, безмятежно бегущих друг за другом.

Когда я отвела взгляд от неба, то едва не вздрогнула, заметив Томаса.

Он сидел в саду на краю деревянного стола, положив ноги на скамейку, и курил. Привычка, от которой Томас никогда не откажется.

Мимо проходило несколько парней, они поприветствовали Томаса и остановились, чтобы поболтать. Я узнала Мэтта и Винса. Парни что-то говорили друг другу, смеялись. Увидев улыбку Томаса, такую спонтанную и безмятежную, я почувствовала боль. Кажется, прошла целая вечность с тех пор, как я видела его таким.

Когда парни ушли, Томас склонился над телефоном, с серьезным и сосредоточенным лицом что-то набрал в сообщении, но, получив ответ, расстроился или рассердился и бросил телефон на стол. Страхнул пепел с сигареты между ног и поднял голову в мою сторону.

От его взгляда в груди разгорелся пожар. Томас смотрел так, словно хотел, чтобы я поняла, что все еще нахожусь в его руках, что у него есть и всегда будет власть надо мной, даже спустя время.

Глупый идиот.

Я стиснула зубы и уставилась на него, переполненная враждебности. Между нами будто началось соревнование: кто первым отведет взгляд. Ни один из нас не хотел сдаваться. Томасу, видимо, это показалось забавным, потому что он слегка наклонил голову и усмехнулся.

«Не позволяй ему спровоцировать тебя», — приказала я себе, прикусывая губу и покачивая ногой под столом.

Но чем дольше он смотрел на меня и бросал вызов, тем сильнее чесались от нервозности руки.

Рядом что-то бормотал Алекс, Тиффани над ним хихикала, но я их едва слышала, потому что сосредоточилась на Томасе.

А он сосредоточился на мне.

Словно ничего не мог с собой поделаться. Словно все еще считал себя вправе смотреть на меня. Классическим взглядом Тома-